

Алсу Гафурова

НОЧНЫЕ ИРИСЫ

Алсу Гафурова

Ночные Ирисы

<https://litres.ru/74038094>

SelfPub; 2026

Аннотация

Предисловие

Вы когда-нибудь замечали, что некоторые люди кажутся вам знакомыми?

Не те, с кем вы учились в школе или работали. Не те, кого вы видели раньше. А те, кого вы встречаете впервые — в метро, на улице, в кафе, — и вдруг замираете. Сердце пропускает удар. Вы смотрите на незнакомца и ваша душа узнает его душу.

Эта история — о двух душах. Они встречаются снова и снова. В разных эпохах. В разных концах света. В разных телах и под разными именами. Они любят друг друга так, как никто не умеет. И каждый раз, на пике счастья, один из них умирает.

Всегда он.

Всегда с одной и той же фразой на губах.

- Я отказываюсь от тебя, ради тебя.

Чтобы ты жила.....

Почему? Кто написал этот сценарий? Кто запретил им быть вместе?

Ответ — на этих страницах.

Но прежде чем вы их откроете, знайте: эта история не выдумана. Она записана где-то глубоко внутри вас. Потому что у каждой души есть своя память.

И свои ночные ирисы.

И своя любовь, которая сильнее смерти.

Осталось только вспомнить...

Алсу Гафурова

Ночные Ирисы

НОЧНЫЕ ИРИСЫ

Роман

Глава первая. Озеро туманов

1

Говорили, что озеро появилось раньше, чем люди научились возделывать рис.

Старики рассказывали, что когда-то на его месте была деревня, жители которой прогневали богов леса. Боги наслали туман, густой и белый, как молоко буйволицы. Туман стоял три дня и три ночи, а когда рассеялся, деревни больше не было. Только вода. Чёрная, глубокая, неподвижная. И посреди озера — островок, заросший высокой травой и ирисами. Фиолетовыми. Почти чёрными.

Никто не знал, откуда там взялись ирисы. Но все знали другое: с тех пор на озере поселилась она.

Женщина-кицунэ.

Её настоящее имя было утеряно, а может, его и не было вовсе. Люди называли её Юки-но-Кицунэ — Снежная Лисица, потому что впервые её видели зимой, когда озеро замёрзло, а она шла босиком по льду, и следов за ней не оставалось.

Говорили, что она прекрасна. Говорили, что её волосы отливают серебром в лунном свете, а глаза меняют цвет, как вода в озере: утром — серые, днём — зелёные, ночью — золотые. Говорили, что она играет на флейте так, что даже ветер замирает, прислушиваясь.

И говорили, что любой мужчина, услышавший её мелодию, обречён.

Сначала воин чувствует зов. Нежный, едва уловимый, как воспоминание о материнской колыбельной. Он идёт на звук, сам не понимая зачем. Пересекает бамбуковую рощу, спускается к озеру, входит в туман. И видит её.

Она стоит у кромки воды, опустив голову, и флейта в её руках поёт. Мелодия течёт, как вода, как время, как сама жизнь. Воин забывает, кто он и зачем пришёл. Он видит только её глаза — огромные, бездонные, манящие. Он дела-

ет шаг. Ещё один. Вода уже касается его колен, потом груди, потом горла. А он всё идёт, не в силах отвести взгляд. И озеро принимает его.

Наутро находят тело. Лицо спокойное, почти счастливое. Никаких следов насилия. Только в кулаке зажат стебель ночного ириса.

Так погибли десятки самураев. Лучшие воины империи, мастера меча, непобедимые в бою. Все они оказались беззащитны перед мелодией Снежной Лисицы.

Император терял терпение.

2

— Отец зовёт тебя.

Акира оторвал взгляд от клинка, который полировал уже второй час подряд. Его младший брат, Хиро, стоял в дверях с поклоном, но глаза — любопытные, мальчишеские — горели едва скрываемым волнением.

— Знаю, — ответил Акира, не ускоряя движений.

Шёлковая ткань скользила по стали, стирая невидимые

глазу следы. Катана была безупречна. Как и всегда. Акира не позволял своему оружию знать, что такое несовершенство.

— Ты пойдёшь на озеро? — Хиро не выдержал и шагнул ближе. — Говорят, она убивает одним взглядом. Говорят, она может превращаться в девятихвостого зверя и вырывать сердце...

— Хиро.

Голос Акиры был тих, но младший брат замолчал мгновенно. Так замолкает ветер, когда налетает на каменную стену.

— Я слышал все эти истории, — Акира отложил катану и встал. — Но я слышал и другое. Никто из тех, кто пошёл к озеру, не вернулся живым. Значит, никто не знает, что там на самом деле.

— Именно поэтому отец посылает тебя, — в голосе Хиро звучала гордость пополам с тревогой. — Ты — лучший. Если кто и может вернуться, то только ты.

Акира ничего не ответил. Он взял катану, закрепил за поясом и направился к выходу. Уже на пороге остановился и, не оборачиваясь, бросил:

— Если я не вернусь, позаботься о моём саде.

Хиро хотел что-то сказать, но Акира уже вышел.

3

Императорский дворец был построен на холме. Оттуда, с верхней террасы, в хорошую погоду можно было увидеть всё: рисовые поля, уходящие к горизонту, изгиб реки, тёмную полосу леса. И если очень долго всматриваться — серебристый проблеск далёкого озера.

Император стоял у перил, когда Акира вошёл. Ему было за шестьдесят, но спину он держал прямо, а взгляд имел такой, что даже старые генералы начинали заикаться под ним.

— Ты знаешь, зачем я позвал тебя, — произнёс император. Это был не вопрос.

— Да, отец.

— Пять лучших воинов моего дома мертвы. Каждый из них стоил сотни солдат. И каждый утонул в этом проклятом

озере с улыбкой идиота на лице. — Император повернулся, и Акира увидел в его глазах то, чего не ожидал. Не гнев. Страх. — Они говорят, это кицунэ. Дух-оборотень. Они говорят, убить её можно только серебряным клинком. Но я думаю иначе.

— И что же думает мой господин?

— Я думаю, что это просто женщина, — император прищурился. — Хитрая, опасная, возможно, безумная. Но женщина. И если лучшие воины гибнут, значит, она бьёт не мечом. Она бьёт тем, против чего меч бессилён.

Акира молчал.

— Ты не просто воин, — продолжил император, подходя ближе. — Ты — мой сын. Моя кровь. Ты учился не только владеть мечом, но и управлять своим духом. Я отправлял тебя к монахам в горы, помнишь? Ты просидел три дня в ледяной пещере без еды и воды. Ты медитировал, пока другие упражнялись в фехтовании. Твой разум крепче, чем твоя катана. И я надеюсь, что этого хватит.

Он положил руку на плечо Акиры. Жест был отцовским, но тяжесть — императорской.

— Отправляйся на озеро. Найди её. Убей. Вернись. И положи конец этому безумию.

Акира поклонился. Глубже, чем требовал этикет. Он знал: это может быть их последняя встреча. И хотел, чтобы отец запомнил его спина прямой, а не сгорбленной.

4

Дорога до озера занимала три дня.

Первый день Акира шёл через рисовые поля. Крестьяне кланялись ему до земли, но он не замечал их. Он думал о том, что сказал отец. «Она бьёт тем, против чего меч бессилён». Чем? Красотой? Магией? Иллюзией?

Второй день прошёл через бамбуковую рощу. Здесь было сумрачно даже в полдень. Высокие стебли качались на ветру, издавая звуки, похожие на человеческий шёпот. Акира не был суеверен, но в этой роще даже ему стало не по себе. Казалось, за ним наблюдают. Казалось, сама земля следит за каждым его шагом.

На третий день он вышел к озеру.

Туман был густой. Не такой, как в полях — лёгкая дымка над рисом, — а плотный, осязаемый, похожий на влажный шёлк. Он клубился у ног, обнимал стволы деревьев, скрывал очертания берега. Пахло водой, тиной и чем-то ещё. Сладковатым, тревожащим. Так пахнут цветы, которые распускаются только ночью.

Акира остановился на границе тумана. Положил руку на рукоять катаны — не от страха, а по привычке. Сталь под пальцами была холодной и надёжной. Якорь в мире людей.

Он закрыл глаза. Сделал глубокий вдох. Так, как учили монахи в горах: вдох — это жизнь, выдох — это принятие смерти. Когда ты принимаешь смерть, страх уходит. Когда страх уходит, иллюзии теряют власть.

Он открыл глаза и шагнул в туман.

5

Берег был топким. Ноги уходили в мокрую землю по ши-

колотку. Акира шёл медленно, внимательно глядя под ноги. Катану он вытащил — не для боя, а чтобы раздвигать высокую траву.

Озеро открылось внезапно. Сначала вода была просто серым пятном, потом проступили очертания — гладкая поверхность без единой морщины, отражающая небо. И остров. Небольшой, заросший, с покосившейся хижинкой в центре.

И цветы. Фиолетовые ирисы повсюду. На берегу, у воды, даже, кажется, прямо из озера они росли, вытягивая стебли к невидимому солнцу.

Акира смотрел на них и чувствовал странное. Не магию. Не опасность. А смутную, необъяснимую печаль. Как будто эти цветы помнили что-то, чего не знал он.

И тут он услышал музыку.

Она началась не сразу. Сначала ему показалось, что это ветер играет в стеблях бамбука. Но потом звук оформился. Флейта. Высокий, чистый, звенящий звук, похожий на голос ночной птицы.

Мелодия текла медленно, переливалась, как вода в ручье.

Она не манила. Она просто была. Печальная, как последний взгляд уходящего, и нежная, как прикосновение шёлка к коже.

Акира почувствовал, как напряглись мышцы. Монахи учили: когда слышишь зов — замри. Дай ему пройти сквозь тебя, не задерживая. Он закрыл глаза и позволил музыке литься мимо. Вдох. Выдох. Принятие.

Мелодия не исчезла. Но изменилась. В ней появился вопрос. Недоумение. Словно флейта спрашивала: «Почему ты не идёшь? Все до тебя шли».

Акира открыл глаза.

На острове, прямо у кромки воды, стояла женщина.

Она была босая. В простом белом кимоно без узоров — так одеваются либо крестьянки, не имеющие средств на краску, либо жрицы, отрёкшиеся от мира. Длинные чёрные волосы спускались ниже пояса, перехваченные только у лба тонкой тесьмой. В руках она держала флейту — бамбуковую, потемневшую от времени.

Она подняла глаза.

И Акира увидел их цвет. Золотой. Не жёлтый, не карий, а именно золотой — глубокий, светящийся изнутри, как будто за зрачками горел огонь.

— Ты не идёшь, — сказала она.

Голос был тихим, но озеро донесло его до Акиры так ясно, будто она стояла рядом.

— Нет, — ответил он.

— Почему? Все идут.

— Я не все.

Она склонила голову чуть набок. Жест был странно нечеловеческим — так смотрит лисица, заметившая что-то необычное.

— Ты пришёл убить меня.

— Да.

— Тогда почему не идёшь? Боишься?

— Нет.

— Тогда что?

Акира опустил катану. Остриё коснулось земли.

— Я хочу сначала увидеть тебя, — сказал он. — Не морок. Не иллюзию. Тебя.

Долгое молчание. Флейта в её руках дрогнула. А потом она улыбнулась — впервые за много лет, как потом сама признается, — и улыбка эта была не торжествующей, не хитрой, не злой. А печальной.

— Никто не просил об этом раньше, — сказала она. — Все хотели взять. Или убить. Или взять, а потом убить. Никто не хотел просто увидеть.

Она подняла флейту к губам. И заиграла снова. Но теперь мелодия была другой — не зовущей, а приглашающей. Она говорила: иди, если хочешь. Я не заставлю.

И Акира пошёл.

Не потому, что его манили. А потому, что он сам так решил.

Остров оказался больше, чем выглядел с берега. Хижина была старая, но крепкая, крытая тростником, с маленькой верандой, выходящей прямо на воду. Рядом рос ирис — целое поле ирисов, тёмных, почти чёрных в сгущающихся сумерках.

Она сидела на веранде, свесив босые ноги к воде. Флейта лежала рядом. Акира остановился в нескольких шагах. Катану он всё ещё держал в руке, но остриём вниз.

— Ты не боишься меня? — спросила она, не оборачиваясь.

— Боюсь, — признался Акира.

— Но не идёшь на поводу у страха.

— Страх — это советчик, а не господин. Так учили меня в горах.

Она повернулась. Теперь, вблизи, её красота была почти невыносимой. Не потому, что она была совершенна, как статуя богини. А потому, что она была настоящей. Слишком настоящей для этого мира, где всё имеет изъяны.

— Ты странный, — сказала она. — Ты носишь меч, но не нападаешь. Ты пришёл убить, но не убиваешь. Чего ты хочешь, сын императора?

— Откуда ты знаешь, кто я?

— Я вижу. — Она коснулась пальцами виска. — Это мой дар. И моё проклятие. Я вижу людей насквозь. Их страхи, желания, ложь. Ты — сын императора. Твой отец послал тебя. Ты лучший воин в империи. И ты ещё не решил, что будешь делать.

Акира помолчал. Потом вложил катану в ножны. Медленно, чтобы она видела каждое движение.

— Я хочу знать правду.

— О чём?

— О тебе. О тех, кто умер. И о том, что здесь происходит на самом деле.

Она долго смотрела на него. Золотые глаза изучали его лицо, и Акира чувствовал этот взгляд почти физически — как будто кто-то касался его души кончиками пальцев.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Но правда — это дорогой подарок. И за него придётся заплатить.

— Чем?

— Временем. Ты останешься здесь на ночь. И будешь слушать. А утром решишь, что делать. Если захочешь убить меня — убьёшь. Если нет... — она не договорила.

— Я останусь, — сказал Акира.

Солнце садилось за горы. Небо над озером стало лиловым, потом синим, потом чёрным. И в этой темноте проступили звёзды — яркие, крупные, какие бывают только над водой.

Ирисы раскрылись.

Акира заметил это не сразу. Сначала ему показалось, что просто тени колышутся. Но потом, приглядевшись, он увидел: цветы распускаются, разворачивая тугие бутоны в полную силу. Их лепестки были фиолетовыми, почти чёрными, и внутри каждого цветка светилась серебряная капля — как будто цветы вобрали в себя звёздный свет.

— Они цветут только ночью, — сказала она. — Когда нет

солнца. Когда мир спит, а тьма честнее дня.

— Как тебя зовут? — спросил Акира.

Она впервые замялась.

— У меня много имён. Люди называют меня Юки-но-Ки-цунэ. Снежная Лисица. Ещё называют Мурасаки-но-Юрэй — Фиолетовый Призрак, из-за цветов. Но первое имя... его мне дал отец. Очень давно.

— Какое?

Она посмотрела на звёзды.

— Аямэ.

Ирис. Так звали её когда-то, в другой жизни, до того как она стала духом, женщиной-кицунэ, легендой. Просто цветок. Просто имя.

— Аямэ, — повторил Акира, пробуя звук на вкус. — Красиво.

И впервые за этот вечер она отвела взгляд. Не потому, что смутилась. А потому, что никто не называл её по имени уже

много лет.

7

Ночь опустилась на озеро, как одеяло из чёрного шёлка.

Аямэ зажгла масляную лампу. Огонёк был маленький, но его хватало, чтобы выхватить из темноты лица, руки, отблески на воде. Она сидела на веранде, поджав ноги, и говорила. Акира слушал.

— Я не убивала их, — начала она. — Тех воинов. Я не убивала никого. Они умирали сами.

— Как?

— Ты когда-нибудь слышал о мороке кицунэ? — Акира кивнул. — Это правда. Мы можем создавать иллюзии. Показывать людям то, чего они хотят. Или то, чего боятся. Когда воин приходил сюда, я играла на флейте. И музыка показывала ему его собственное сердце. Если он хотел власти — видел себя императором. Если хотел богатства — видел золото. Если хотел женщины — видел меня, но не настоящую, а такую, какой он хотел меня видеть. Доступной. Покорной. Принадлежащей ему.

— И они шли в воду.

— Да. Они шли за иллюзией. Морок был так силён, что они не чувствовали холода, не чувствовали, как вода смыкается над головой. Они умирали счастливыми. — Она помолчала. — Но это не я их убивала. Это их собственные желания. Я лишь показывала им то, что они уже носили в себе.

Акира молчал. Он вспомнил слова отца: «Она бьёт тем, против чего меч бессилён». Теперь он понимал. Мечом не разрубишь собственное отражение.

— Почему я не вижу морока? — спросил он. — Ты играла. Я слышал.

Аямэ подняла на него глаза. Золотые. Светящиеся.

— Потому что ты ничего не хочешь от меня.

— Что?

— Ты не хочешь власти. Не хочешь богатства. Не хочешь обладать мной. Ты пришёл без желания. Поэтому мой морок бессилён.

— Я пришёл, чтобы убить тебя. Разве это не желание?

— Нет. Это долг. А долг — не желание. Желание идёт из сердца, долг — из головы. Ты пришёл не потому, что хотел. А потому, что должен. Это другое.

Акира почувствовал, как внутри что-то сдвинулось. Он не думал об этом раньше. Но она была права. Он не хотел её убивать. Он вообще не хотел никого убивать. Он просто делал то, что должен.

— Ты странная, — сказал он.

— Ты тоже, — ответила она, и в её голосе впервые прозвучало что-то похожее на тепло.

8

Они говорили до рассвета.

Она рассказала ему о своём отце — старом монахе, который нашёл её в лесу, когда она была ещё ребёнком. Он научил её играть на флейте и понимать язык зверей. Он же рассказал ей, что она — кицунэ, дочь духа-лисицы и смертной женщины. И что однажды люди придут за ней, потому что люди всегда приходят за теми, кто не похож на них.

— Он умер здесь, на этом острове, — сказала Аямэ, глядя на воду. — Я похоронила его под ирисами. С тех пор они цветут каждую ночь. Как будто он смотрит на меня этими цветами.

— А мужчины? Почему ты осталась здесь, зная, что они будут приходить?

— А куда мне идти? — она пожала плечами. — Мир людей меня боится. Мир духов меня не принимает — я слишком человек для них. Это озеро — единственное место, где я могу быть собой. Где цветы помнят моего отца. Где музыка звучит так, как я хочу. Это мой дом.

Акира смотрел на неё и чувствовал что-то, чему не было названия. Не жалость. Не восхищение. Что-то большее.

— Знаешь, что я думаю? — сказал он медленно. — Ты не убийца. И не монстр. Ты просто одинокая женщина, которую загнали в угол и заставили защищаться.

— Может быть. Но что это меняет? Ты всё ещё сын императора. Я всё ещё кицунэ. Завтра ты вернёшься во дворец и скажешь отцу, что не смог меня убить. Тогда он пришлёт новых воинов. Или придёт сам. И рано или поздно кто-то окажется сильнее моего морока.

— Я не вернусь, — сказал Акира.

Аямэ замерла.

— Что?

— Я не вернусь во дворец. Я останусь здесь.

— Но... ты же...

— Я устал, — перебил он. — Устал быть воином. Устал убивать. Устал жить так, как хотят другие. Здесь, на этом острове, я впервые за много лет почувствовал покой. И я не хочу терять его.

— Тебя объявят предателем. За тобой придут.

— Пусть.

— Ты готов умереть за это?

— Я готов жить за это, — ответил он. — Это другое.

И тогда Аямэ сделала то, чего не делала никогда. Она протянула руку и коснулась его лица. Кончиками пальцев, ед-

ва-едва, как будто боялась обжечься.

— Ты странный, — прошептала она.

— Ты уже говорила.

— Потому что это правда.

Он взял её руку в свою. Ладонь у неё была холодной и маленькой, как у ребёнка.

— Я не буду пытаться овладеть тобой, — сказал он. — Я не буду пытаться изменить тебя. Я просто хочу быть рядом. Смотреть, как цветут ирисы. Слушать твою флейту. И знать, что где-то на свете есть место, где я могу быть собой.

Аямэ не ответила. Она просто придвинулась ближе и положила голову ему на плечо. И так они просидели до рассвета — двое изгоев, нашедших друг друга посреди чёрного озера.

9

Месяц прошёл как один долгий, сладкий сон.

Акира научился рыбачить острогой. Аямэ показала ему,

где растут съедобные корни и как отличить лекарственные травы от ядовитых. По вечерам она играла на флейте, а он слушал, закрыв глаза, и музыка больше не казалась ему опасной. Она казалась родной. Как будто он слышал её всегда, в каждой жизни, в каждом сне.

Они почти не говорили о любви. Слова были не нужны. Всё было понятно без них — в том, как она подавала ему чай, заваренный из горных трав, в том, как он поправлял соломенную крышу над её хижинкой, в том, как они сидели по вечерам у воды, не касаясь друг друга, но ближе, чем если бы обнимались.

Однажды ночью, когда луна была полной и ирисы светились особенно ярко, Аямэ спросила:

— Ты не жалеешь?

— О чём?

— О том, что остался. Ты мог быть там, во дворце. Ты мог стать следующим императором. А вместо этого сидишь на болоте с женщиной-лисицей и ешь рыбу, которую сам поймал.

Акира улыбнулся. Он редко улыбался, но здесь, на озере,

это случалось всё чаще.

— Знаешь, что такое счастье, Аямэ?

— Расскажи.

— Счастье — это когда утром ты просыпаешься и понимаешь, что тебе не нужно никуда идти. Что ты уже там, где должен быть. Что мир может подождать, а ты — нет.

Она долго смотрела на него. Потом наклонилась и поцеловала его в лоб. Не в губы. В лоб. Так целуют детей, которых провожают в долгий путь. Или мёртвых, которым желают покоя.

— Ты хороший человек, Акира, — сказала она. — Жаль, что мир этого не узнает.

10

Отряд пришёл на рассвете.

Их было двадцать. Все в полном боевом облачении, с луками и катанами. Они стояли на берегу чёрной стеной, и утренний туман клубился у их ног.

Акира узнал командира. Это был генерал Такахаси — старый вояка, служивший ещё его деду. Суровый, преданный, не знающий сомнений. Именно такого человека император должен был послать. Не воина. Солдата. Того, кто исполняет приказы, не задавая вопросов.

— Господин Акира! — голос Такахаси разнёсся над озером, как удар гонга. — Ваш отец, император, повелевает вам вернуться. Вы нужны империи. Ваше место во дворце, не здесь.

Акира стоял на острове, у кромки воды. Аямэ была рядом, чуть позади. Он чувствовал её страх — не за себя, за него.

— А если я откажусь? — крикнул он в ответ.

— Тогда мы должны доставить вас силой. А женщину-кицунэ убить. Это приказ.

Акира переглянулся с Аямэ. Она смотрела на него, и в её золотых глазах он прочитал то, что она не говорила вслух. «Беги. Спрячься. Я уведу их мороком. Ты будешь жить».

— Я могу увести их, — прошептала она. — Сделать так, что они заблудятся в тумане. А ты уйдёшь. Куда угодно. Хоть

в Китай, хоть дальше.

— А ты?

— А я останусь. Я привыкла.

Он покачал головой.

— Нет. Я не хочу скрываться. Я не хочу, чтобы наша любовь была тайной. Я хочу любить тебя открыто. Перед всеми. Перед небом и землёй.

— Они не позволят, — в её голосе звенели слёзы. — Ты же знаешь. Женщина-кицунэ не может стать женой сына императора. Это невозможно.

— Значит, я не буду сыном императора.

Акира вышел вперёд. Вода доходила ему до щиколоток. Он стоял между островом и берегом — между своей любовью и своим прошлым. И крикнул так, чтобы слышали все:

— Я, Акира, сын императора, отказываюсь от своего рода! Отказываюсь от титулов! Отказываюсь от права на престол! Я выбираю эту женщину. Я выбираю эту жизнь.

Тишина была ответом. Потом генерал Такахаси покачал головой:

— Это позор. Вы опозорили отца. Вы опозорили империю. Самурай, предавший долг ради женщины, — не самурай.

— Возможно, — сказал Акира. — Но я остаюсь человеком.

11

Он вернулся на остров. Медленно, не оборачиваясь, подошёл к Аямэ.

— Зачем ты это сделал? — прошептала она.

— Потому что я так хочу.

— Они не уйдут. Они всё равно придут за мной.

— Нет. Не придут.

Он взял её лицо в ладони и посмотрел в глаза — долго, так, как смотрел только когда слушал её музыку.

— Я отказываюсь от тебя, ради тебя. Чтобы ты жила.

— Что?..

Акира отпустил её. Отошёл на несколько шагов. Опустился на колени. И одним плавным движением вытащил короткий клинок — танто, который всегда носил за поясом.

— НЕТ!

Аямэ бросилась к нему, но было поздно.

Движение было точным, отработанным. Таким, какому учат самураев с детства. Харакири — смерть от собственной руки. Единственный способ смыть позор. Единственный способ уйти, не сдаваясь. Единственный способ защитить то, что любишь.

Боль пришла не сразу. Сначала был холод стали. Потом — тепло крови. Потом — её крик, самый страшный звук, который он когда-либо слышал.

Он упал на бок, на землю, на фиолетовые лепестки, которые уже начали закрываться с первыми лучами солнца.

Аямэ подхватила его голову, положила к себе на колени.

Слёзы капали ему на лицо, и он чувствовал их тепло.

— Зачем... зачем ты...

— Я отказываюсь от тебя, — повторил он уже шёпотом,
— ради тебя. Чтобы ты жила.

— Ты будешь жить, ради этого я умираю. — Он нашёл в себе силы улыбнуться. — Сыграй мне. На флейте. Ту самую... первую мелодию.

Аямэ поднесла флейту к губам.

И над озером поплыла музыка. Печальная, как последний луч заката. Нежная, как прикосновение губ ко лбу. Бесконечная, как само небо.

Акира слышал её. И его душа уходила под эту музыку. В темноту. В покой. В место, где нет ни воинов, ни императоров, ни позора. Только ирисы. Только ночь. И ожидание новой встречи...

Когда Такахаси и его люди переправились на остров, они нашли только тело принца и лужу крови, в которой плавали

лепестки ночных ирисов.

Женщины не было.

Они обыскали остров, прочесали лес вокруг озера, но не нашли ни следа. Только лепестки ирисов.

Генерал доложил императору: принц мёртв. Ушёл достойно, как самкрай. Харакири. Женщина-кицунэ исчезла.

Император ничего не сказал. Только закрылся в своих покоях на три дня и три ночи.

А спустя годы купцы, ходившие с караванами в Китай, рассказывали странные вещи. Будто видели на чайных плантациях женщину с чёрными волосами до пояса и глазами золотого цвета. При ней был мальчик лет трёх, смуглый, черноглазый — вылитый принц Акира в детстве. Она играла на флейте по вечерам, и мелодия была так прекрасна, что даже птицы замолкали.

И будто бы у хижины, где она жила, росли ночные ирисы — фиолетовые, почти чёрные. Они распускались каждую ночь. И светились в темноте.

Как память.

Как обещание.

Как любовь, которая не умирает.

Так заканчивается первая легенда.

Но это только начало.

Потому что души не исчезают. Они возвращаются. В разных телах. В разных эпохах. В разных концах света. И всегда находят друг друга.

И всегда звучит одна и та же фраза:

«Я отказываюсь от тебя, ради тебя. Чтобы ты жила».

А ночные ирисы цветут. И ждут...

Глава вторая. Вереск и пепел

1

Вересковые пустоши Йоркшира помнят многое.

Они помнят римские легионы, что шли через них, утопая в тумане по колено. Помнят викингов, что жгли монастыри на побережье. Помнят войну Алой и Белой розы, когда брат убивал брата, а земля пила кровь, не разбирая, кто прав. Но больше всего пустоши помнят тех, кто на них жил и умирал безвестно — угольщиков, ткачей, беглых должников, разбойников с большой дороги.

Одного из них звали Джерико.

Никто не знал, откуда он взялся. Говорили разное. Будто он сын повешенного контрабандиста из Уитби. Будто он беглый моряк с каперского судна, списанный на берег за драку. Будто он родился прямо на пустошах, под открытым небом, и потому у него глаза цвета грозовой тучи, а волосы — чёрные, как вороново крыло. Последнее было ближе всего к правде, но правды не знал даже сам Джерико. Он помнил себя только лет с десяти: холод, голод, ночные дороги, первые краденые монеты, первые сбитые в кровь костяшки пальцев.

К двадцати пяти он стал легендой.

Не благородной легендой — таких в Йоркшире не водилось. А легендой тёмной, шепотной, ночной. Джерико и его люди грабили кареты на старом тракте между Лидсом и по-

бережьем. Он никогда не убивал без нужды — не потому, что был милосерден, а потому, что мёртвый путник не расскажет страшных историй. А живые рассказывали. О высоком человеке в длинном чёрном плаще, который выходил из тумана как призрак. О голосе — низком, спокойном, почти ласковом. «Кошелёк или жизнь, добрый господин. Только не вздумайте лгать — я чую ложь за милю».

И — о цветке.

Джерико всегда носил в петлице цветок ириса. Фиолетовый, почти чёрный. Где он брал их, никто не знал. Ирисы в тех краях не росли, во всяком случае, такие. Но цветок был при нём всегда — свежий, будто только что срезанный. И пах он не как обычные цветы. Пах он грозой. Озоном. Чем-то тревожным и манящим одновременно.

За его голову была назначена награда. Солидная — пятьдесят золотых соверенов. Но желающих получить эти деньги находилось мало. Джерико знал пустоши как свои пять пальцев, у него были глаза на затылке и нюх на засаду, как у дикого зверя. И всё же люди говорили: рано или поздно его поймают. Всех ловят. Такова судьба разбойника.

Но Джерико в судьбу не верил.

Он верил в туман, в ночь и в цветок у сердца.

2

В тридцати милях к северу от тракта, где промышлял Джерико, стояла деревня Грейторп — три десятка каменных домов, кузница, церковь и дом пастора, увитый плющом. Деревня была из тех, что живут своей жизнью столетиями, не меняясь: те же семьи, те же могилы на погосте, те же молитвы по воскресеньям.

Пастор Эдмунд Хейл был человеком строгим, но не злым. Он верил в Бога, в порядок, в то, что грех должен быть наказан, а добродетель вознаграждена, если не на земле, то на небесах. Жил он скромно и тихо. Жена его умерла давно от чахотки, оставив ему дочь, которую он назвал Элинор.

Элинор Хейл выросла в доме, где пахло старыми книгами и воском. Она научилась читать по Библии, писать — по отцовским проповедям, думать — по долгим вечерам, когда отец разбирал с ней богословские вопросы. Она была чиста. Не той чистотой, что бывает от глупости — она была умна и начитанна. А той чистотой, что идёт изнутри, от уверенности в том, что мир устроен правильно. Что есть добро и зло. Что есть Бог и дьявол. Что грешники будут гореть в аду, а праведники — петь в раю.

Ей было двадцать два, и она не знала, что красива — не той яркой красотой, что бросается в глаза, а тихой, строгой, северной. Светло-русые волосы, которые она прятала под чепцом, серые глаза, тонкие черты. Но зеркала в доме пастора были маленькие и мутные, а сама Элинор считала, что гордыня — грех, и потому не слишком задумывалась о своей внешности.

Сны начались, когда ей исполнилось двадцать.

Сначала она думала, что это просто сны. Яркие, странные, но сны. Ей снилась вода. Чёрное озеро, окружённое горами, которых она никогда не видела. Снились цветы — фиолетовые, почти чёрные, растущие прямо из воды. Снился мужчина с глазами, которых она не могла разглядеть, но чувствовала — они смотрят прямо в душу. И голос. «Я отказываюсь от тебя, ради тебя. Чтобы ты жила».

Она просыпалась в слезах и не понимала почему.

Потом пришло другое. Ощущение. Ей казалось, что кто-то зовёт её. Не по имени. А как-то иначе — каким-то внутренним зовом, который шёл не через уши, а через сердце. Зов этот был не слова, не фразы, а что-то иное, чему она не могла дать объяснения.

Она молилась каждую ночь Святой Деве Марии, боясь, что это голос демонов но сны не прекращались.

Она выходила по ночам на порог дома, стояла босиком на холодных камнях и смотрела на юг, в сторону пустошей. Ветер трепал её волосы. Где-то далеко выли собаки. А она стояла и ждала.

Чего? Она не знала.

Отец заметил её состояние. «Ты бледна, дитя моё. Ты мало спишь». Элино́р отмахивалась. Что она могла сказать?

Что ей снятся странные сны, которые она ощущает, как смутное воспоминание о чем-то, о чем он когда-то знала.

Отец- пастор, что он скажет?

- Молись...

Она молилась. Молилась усердно, на коленях, до боли в суставах. Просила Бога забрать эти видения, эти наваждения. Но Бог молчал. А сны возвращались.

Однажды она нашла в саду, за домом, цветок.

Ирис. Тёмно-фиолетовый, почти чёрный. Он рос у самой стены, в тени, где ничего не росло уже много лет. Элино́р наклонилась, коснулась лепестков. Они были холодными и пахли грозой.

Она узнала этот запах. Из снов.

Сны пахли также...

И впервые за много дней ей стало по-настоящему страшно.

3

Их встреча была случайной. Или не случайной — это зависит от того, верите ли вы в Судьбу.

В тот день Джерико работал один. Его люди ушли на север, к побережью, где ожидался богатый обоз с французским вином. Сам он остался на старом тракте — ждал курьера из Лондона, который, по слухам, вёз золото. Слухи оказались ложными, курьер не появился, и Джерико, злой и голодный, решил заглянуть в деревню. Не грабить — просто купить хлеба и сыра. Он не был настолько глуп, чтобы разбойничать там, где его могли опознать. Днём, без плаща, в простой одежде, он выглядел как любой другой путник: высокий, худой, смуглый от ветра и солнца, с глазами, в которых плескалась насмешка.

Элинор шла из церкви. Отец попросил её отнести лекарственные травы старой вдове на другом конце деревни, и она

возвращалась домой, когда увидела его.

Он стоял у колодца и пил воду, запрокинув голову. Капли стекали по подбородку. Рубашка на груди была расстёгнута, и видна была тонкая цепочка с каким-то амулетом. Но не это заставило Элинор остановиться.

Цветок.

В петлице его куртки был ирис. Фиолетовый. Почти чёрный.

Точно такой же, как тот, что она нашла у себя в саду.

Джерико почувствовал взгляд. Опустил ковш. Повернулся.

Их глаза встретились.

И мир замолк.

Затих.

Это не было красивой метафорой. Звуки действительно исчезли. Кузнец перестал стучать молотом. Птицы перестали петь. Ветер стих. Остались только они двое. И тишина. Огромная, звенящая тишина, в которой было слышно, как

бьются два сердца.

Джерико смотрел на неё и чувствовал, как земля уходит из-под ног. Он видел эту девушку впервые в жизни. Но он знал её. Знал эти глаза — серые, строгие, с золотыми искрами на дне. Знал этот изгиб губ. Знал, как она поправляет волосы, пряча их под чепец. Он не помнил откуда. Но знал.

Элинор смотрела на него и чувствовала то же самое. Мужчина из её снов стоял перед ней. Не лицо — лица она не помнила. Но ощущение. Запах грозы. Фиолетовый цветок. И голос, который она ещё не слышала, но уже знала.

Первой опомнилась Элинор.

Она опустила глаза, поправила чепчик на голове и быстро пошла к дому пастора. Почти побежала. Сердце колотилось где-то в горле. Щёки горели. «Господи, что это? Что это было?»

Джерико смотрел ей вслед, не в силах двинуться с места.

— Эй! — крикнул он, сам не зная зачем.

Она не обернулась.

Но пошла медленнее. И у самой калитки, уже взявшись за щеколду, всё-таки оглянулась. На одно мгновение. Мгновение, которое решило всё.

Джерико улыбнулся. Дерзко, как умел только он.

И пошёл прочь, насвистывая песенку, которой никто не знал, кроме него.

4

Он вернулся в деревню через три дня.

Сказал себе: просто посмотреть. Сказал себе: ничего такого. Просто интересно, что за девушка. Почему у неё такие глаза. Почему при взгляде на неё у него перехватило дыхание, как не перехватывало никогда — ни перед дулом пистолета, ни перед виселицей.

У него было много женщин, разных женщин.

Он обладал ими.

Некоторые были роковые, яркие красавицы, при взгляде на которых кровь закипала.

Но ни одна из них не шла ни в какое сравнение с этой девушкой.

Она была красива?

Нет.

Она была обыкновенная.

Самая обычная, тихая, скромная, незаметная для других.

Так что же заставило его, прожженного насквозь разбойника и разрушителя женских сердец, перестать дышать при виде неё... .

Он узнал у деревенских — осторожно, не вызывая подозрений. Дочь пастора. Элинор Хейл. Живёт с отцом. Скромная, набожна, незамужняя. Ни с кем не гуляет, никого не принимает. Чистая дева, голубица.

Джерико усмехнулся про себя. «Голубица. А я — ворон. Хорошая пара выйдет».

Но думать о ней не перестал.

И Элинор не перестала думать о нём. Три ночи она почти не спала. Ворочалась, молилась, пыталась читать Библию. Строчки расплывались перед глазами. В ушах стоял его голос — она ведь так и не слышала его голоса, но почему-то знала, как он звучит. И лицо. Теперь она помнила лицо. Смуглое, обветренное, с резкими чертами. Шрам на подбородке. Глаза — тёмные, почти чёрные, но в глубине что-то светится. Не злое. Живое.

На четвёртую ночь она не выдержала.

Зов был настолько сильный, настолько нестерпимый , что ноги сами понесли её в ночь, вдаль от дома... .

Вышла из дома. Прошла через сад, через калитку, спустилась к краю деревни, где начинались вересковые пустоши. Ночь была лунная, светлая, и далеко окрест было видно каждое деревце, каждый камень. У одинокого дуба на холме стояла фигура.

Она не испугалась. Она знала, что он будет там.

И , как ни странно, ей стало спокойно и тепло, от того , что он там.

Джерико ждал, прислонившись спиной к стволу. Увидев её, он не удивился. Только кивнул, как старой знакомой.

— Я знал, что ты придёшь.

— Откуда?

— Не знаю. Просто знал. — Он помолчал. — Ты тоже знала, что я здесь.

— Да. Но я тоже не знаю , откуда?

— Странно, правда?

— Странно. Очень.

Они замолчали. Ветер шевелил вереск. Где-то далеко ухала сова. Элинор стояла, обхватив себя руками за плечи — она вышла в одном платье, без шали, и ночной холод пробирал до костей.

— Ты разбойник, — сказала она наконец. — Я знаю, кто ты. Мне рассказали. Джерико. За твою голову назначена награда.

— Пятьдесят золотых, — он усмехнулся. — Маловато, по моему. Я стою больше.

— Ты грабишь людей. Ты вне закона.

— Да.

— И ты не боишься прийти сюда? В деревню, где тебя могут опознать?

— Боюсь немного, — улыбнулся он. — Но ещё больше боюсь не прийти.

Элинор покачала головой. Всё её существо противилось

этому разговору. Она — дочь пастора. Он — преступник. Между ними пропасть глубже, чем ущелья в горах. Но почему-то, стоя здесь, на холодном ветру, она не чувствовала этой пропасти. Она чувствовала только его. Его тепло. Его запах — грозы и вереска. И цветок. Ирис в петлице, тёмный, почти чёрный, распустившийся, хотя для ирисов был не сезон.

— Откуда у тебя этот цветок? — спросила она.

— Не знаю. Он всегда со мной. Сколько себя помню. Срываю один — вырастает другой. Где бы я ни был.

— У меня в саду такой же, — тихо сказала Элинор. — Вырос сам собой. Там, где ничего не росло.

Джерико перестал улыбаться.

— Что это значит? — спросил он. — Ты знаешь?

— Нет. Но хочу узнать.

И боюсь узнать.

Она сделала шаг к нему. Первый шаг за всю свою жизнь, который не был продиктован долгом, правилами или отцовской волей. Просто шаг. К нему.

— Расскажи мне о себе, — попросила она. — Всё. С самого начала.

И Джерико, который никогда никому не рассказывал о себе, начал говорить.

5

Они встречались каждую ночь в течение двух недель.

Днём Элинон жила своей обычной жизнью: помогала отцу, ходила в церковь, навещала больных. Никто не замечал в ней перемены. Но внутри она стала другой. Как будто в комнате, где она жила всю жизнь, вдруг открылось окно — и впустило ветер, дождь, запах далёких земель и запах приближающейся грозы.

Джерико рассказывал ей о себе. Не жалея, не приукрашивая. О голодном детстве, о первом украденном хлебе, о том, как его били за этот хлеб. О том, как он впервые убил человека — это был стражник, который пытался застрелить его друга. О том, что он никогда не грабил бедных — только богатых, потому что «у бедных брать нечего, а у богатых совесть нет». О том, что он ненавидит этот мир, где одним всё, а другим — ничего.

Элино́р слушала. Не осуждала. Не читала проповедей. Просто слушала. И это было для Джерико удивительнее всего.

— Ты не пытаешься меня исправить, — сказал он однажды.

— А ты хочешь, чтобы я пыталась?

— Нет. — Он усмехнулся. — Но все пытаются. Пасторы, судьи, добрые граждане. Все знают, как мне жить. Кроме меня самого.

— Я не знаю, как тебе жить, — сказала Элино́р. — Я вообще теперь мало что знаю. Раньше знала. А теперь...

— Что теперь?

— Теперь я знаю только, что хочу видеть тебя. Каждую ночь. Здесь.

И знаю, что это плохо.

Что это запретные встречи.

Что это грех.

Но я не могу не приходить.

Она тоже рассказывала ему о себе. О матери, которую почти не помнила. Об отце, который любил её, но любил как идею — как образец добродетели, а не как живую женщину. О том, что она никогда не покидала Грейторп. О том, что море видела только на картинках. О своих снах — о чёрном озере и цветах.

— Я тоже их вижу, — сказал Джерико.

— Что?

— Сны. Озеро. Горы. Женщина играет на флейте чудесную песню. . Не ты, но как будто ты. И мужчина- самурай. Говорит: «Я отказываюсь от тебя, ради тебя». И умирает.

У Элинор похолодели руки.

— Я слышу эти слова, — прошептала она. — Каждую ночь. «Я отказываюсь от тебя, ради тебя. Чтобы ты жила». Что это?

— Не знаю. Но это пугает меня больше, чем всё остальное. Я мало чего боюсь на этом свете. Наверное, вообще ничего не боюсь, кроме неизвестности. Вот это меня пугает. Я не знаю, что это и зачем это...

И это одновременно и пугает и даёт ощущение чего-то очень важного, касающегося нас обоих.

Они сидели под дубом, совсем близко друг к другу, но не касаясь. Между ними было расстояние, которое ни один из них не решался преодолеть. Элинор — потому что грех. Джерико — потому что впервые в жизни боялся что-то испортить.

— Что с нами будет? — спросила она однажды.

— Ничего хорошего, — честно ответил он. — Ты это знаешь.

— Знаю. И всё равно прихожу.

— Ты хочешь перестать?

— Нет. — Она повернулась к нему, и в её серых глазах блеснули слёзы. — Не хочу. И это самое страшное.

Джерико взял её руку. Осторожно, как берут испуганную птицу. Ладонь у неё была тёплая, мягкая, не знавшая грубой работы. Он поднёс её к губам и поцеловал. Не страстно. Нежно. Как целуют то, что нельзя удержать.

— Я не погублю тебя, — сказал он. — Слышишь? Я, может, грешник и висельник. Но я не погублю тебя. Ты слишком. . . — он запнулся, подбирая слово. — Слишком чистая, как родник.

— А я не спасу тебя, — ответила она с грустной улыбкой. — Хотя должна. Дочь пастора, праведница. Должна бы вытащить тебя из тьмы. А я не хочу тебя вытаскивать. Я хочу просто быть с тобой. Какой же это грех — быть с тем, кого ждал всю жизнь?

Ветер ответил ей шорохом вереска.

6

Об их встречах узнали не сразу, но узнали.

В деревнях тайны хранятся недолго. Кто-то видел тень у дуба. Кто-то слышал голоса на пустоши. Кто-то узнал в высоком незнакомце Джерико-разбойника. И пошёл шёпот. Сначала тихий, потом громче. Дочь пастора — и разбойник. Пасторская голубица — и висельник. Позор.

Отец Элинор узнал последним. Когда уже нельзя было не знать. Деревенский кузнец, краснея и запинаясь, рассказал ему всё. Пастор выслушал молча. Потом закрылся в своём

кабинете и молился до утра.

Утром он позвал дочь.

— Это правда, дочь моя?

Элино́р стояла перед ним, опустив голову. Она не умела лгать и не хотела.

— Да, отец.

— Ты понимаешь, кто он?

— Понимаю.

— Он преступник. Убийца. Его душа принадлежит дьяволу.

— Его душа, — тихо ответила Элино́р, — принадлежит ему самому. И я не знаю, кому она принадлежит на самом деле. Но я знаю, что он лучше многих праведников, которых я встречала.

Пастор побледнел.

— Ты влюблена.

— Я не знаю, как это назвать. Я знаю только, что он — часть меня. Что без него я пуста. Что я видела его во сне, когда ещё не знала, что он существует. Разве это от дьявола, отец? Разве дьявол может создать такое чувство?

Пастор долго смотрел на неё. Потом отвернулся.

— Я не знаю, что это, — сказал он глухо. — Но я знаю закон. Закон Божий и закон человеческий. Ты не можешь быть с ним. А он не может быть с тобой. Ему грозит виселица — и это только вопрос времени. Не губи свою душу, дочь.

Элино́р молчала.

— Завтра я еду в Лидс, — продолжил пастор. — К судье. Я должен сообщить, что Джерико видели в наших краях. Это мой долг.

— Отец!

— Это мой долг, — повторил он жёстко. — Перед Богом и людьми. Если ты не можешь исполнить свой долг, я исполню его за нас обоих.

Он вышел. Элино́р осталась стоять. Потом опустила́сь на

колени и заплакала.

И в эту ночь она побежала к дубу быстрее, чем когда-либо.

7

— Они знают, — выдохнула она, едва добежав. — Мой отец знает. Завтра он едет в Лидс. Сообщит судье. Сюда придут солдаты. Ты должен бежать. Сейчас.

Джерико выслушал её спокойно. Слишком спокойно.

— Я знал, что так будет, — сказал он.

— Беги! Я не хочу, чтобы тебя...

— Повесили? — он усмехнулся. — А чего ты хочешь, Элинор? Чего ты хочешь на самом деле?

Она замерла. Вопрос, которого она боялась, прозвучал. Чего она хочет? Чтобы он бежал — и она никогда его не увидела? Чтобы он остался — и его схватили? Чтобы всё это оказалось сном, глупым сном, и она снова стала прежней — правильной, чистой, пустой?

— Я хочу быть с тобой, — сказала она. — Но я не знаю

как. Я не могу бежать с тобой — это грех. Я не могу сдать тебя — я не переживу. Я не могу продолжать врать — Бог не простит. Я не знаю, что делать. Я всегда знала, а теперь не знаю ничего.

Джерико подошёл к ней. Взял за плечи.

— Посмотри на меня.

Она подняла заплаканные глаза.

— Ты — самое лучшее, что было в моей жизни, — сказал он. — Ты — единственное, ради чего стоило просыпаться по утрам. Я не знаю, что такое Бог. Не знаю, есть ли рай и ад. Но я знаю: если рай есть, я увидел его в тебе. И я не дам тебе погибнуть из-за меня.

— Что ты задумал? — её голос дрогнул.

Джерико отпустил её. Отступил на шаг. И сказал фразу, которую она уже слышала. Во сне. Тысячу раз.

— Я отказываюсь от тебя, ради тебя. Чтобы ты жила.

— Нет... — прошептала она. — Нет, не говори этого...

— Я уйду, Элино́р. Уйду далеко. На юг, к побережью. Наймусь на корабль. Уплыву. Они не поймают меня — я умею исчезать. А ты останешься. Будешь жить. Выйдешь замуж за хорошего человека. Родишь детей. И однажды, может быть, вспомнишь меня. Только не жале́й. Хорошо?

— Я не хочу хорошего человека, — слёзы текли по её щекам. — Я люблю тебя. Почему это невозможно? Почему мир так устроен?

— Потому что мир — та ещё сволочь, — Джерико грустно улыбнулся. — Но мы не будем ему подыгрывать.

Он наклонился и поцеловал её в лоб. Как целуют то, что нельзя удержать.

— Прощай, моя голубица.

И ушёл. В темноту. В вереск. В туман.

8

Элино́р стояла под дубом, прислонившись лбом к его шершавой коре и листья шуршали над ней и в воздухе остро пахло грозой.

Она не плакала больше. Слезы кончились. Осталась пустота — огромная, холодная, как северное море. Она смотрела на вересковую пустошь и знала, что он уходит. С каждым шагом. С каждым ударом сердца. Уходит навсегда.

А потом она услышала крики.

С юга, со стороны тракта. Много голосов. Лай собак. И выстрел. Один. Второй.

Солдаты.

Они не ждали до завтра. Они пришли сегодня. Кто-то до-нёс раньше.

Элинон бросилась бежать. Через вереск, через овраги, не чувствуя ни холода, ни усталости. Она бежала и молилась — нет, не Богу. Ему. «Пожалуйста. Пожалуйста, успе. Пожалуйста, живи».

Она нашла его у ручья.

Он лежал на спине, раскинув руки. Глаза открыты. Смотрели в небо. Пуля попала в грудь — прямо под левую ключицу. Кровь пропитала рубашку, куртку, вереск вокруг. В правой руке он сжимал цветок. Ирис. Фиолетовый. Почти чёр-

ный.

Солдаты стояли полукругом. Кто-то снимал шляпу. Кто-то перезаряжал мушкет. Им было неловко. Одно дело — вешать разбойника при всём народе. Другое — застрелить человека, который даже не сопротивлялся. Он был безоружен... .

Элинор упала на колени рядом с ним. Взяла его голову в ладони. Кровь была тёплой. Она пачкала её платье, её руки, её душу.

— Ты сказал, что уйдёшь... — прошептала она. — Ты обещал...

Джерико ещё дышал. Трудно, с хрипом, но дышал. Он узнал её. И улыбнулся. Той самой дерзкой улыбкой, которую она впервые увидела у колодца.

— Я... пытался... — выдохнул он. — Но они... быстрее...

— Молчи. Не говори. Сейчас придёт врач, я позову...

— Нет. Не надо. — Он сжал её руку. — Я рад.

— Чему?!

— Что ты здесь. Что я вижу тебя. В последний раз.

Слёзы капали на его лицо. Он чувствовал их тепло.

— Я отказываюсь от тебя, — прошептал он, уже едва слышно, — ради тебя. Чтобы ты жила. Помни.

И умер.

Элинон держала его голову на коленях. Солдаты молчали. Вереск шелестел под ветром. Где-то далеко пел жаворонок — первая птица, приветствующая рассвет.

А в её руке, сам не зная как, оказался цветок. Тот самый. Ирис. Фиолетовый. Почти чёрный. И пах он грозой.

9

Элинон Хейл прожила долгую жизнь. Она не вышла замуж — не смогла. Не родила детей. Но и в монастырь не ушла. Она осталась в Грейторпе, ухаживала за отцом до его смерти, а потом — за больными, старыми, одинокими. Её знали как странную женщину, которая помогает всем и не просит ничего взамен. Которая иногда выходит по ночам на пустошь и стоит там одна, глядя на юг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.